

НАУЧНЫЙ СТАТУС МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛУЧАЕВ*

Н. П. БУСЫГИНА

Являясь весьма распространенным жанром в психотерапии, исследование случаев (case study) до сих пор практически не применяются в научной психологии. В статье поднимается вопрос о научном потенциале исследования случаев, в частности, обсуждается возможность обобщения результатов, полученных на основании исследования случаев, а также ценность описательных исследований случаев, не претендующих на формальные обобщения. Кроме того, автор затрагивает вопросы, связанные с планированием исследования случаев, и рассматривает те моменты исследовательского «дизайна», которые вносят наиболее значимый вклад в повышение качества исследования. С точки зрения автора, исследования случаев вполне соотносимы с различными эпистемологическими перспективами и могут быть весьма полезны как приверженцам «понимающей» психологии, так и тем, кто заинтересован в развитии психологии по образцу «объясняющих» дисциплин.

Ключевые слова: исследование случая (case study), обобщения на материале отдельных случаев, планирование исследований случая, единицы анализа в исследовании случая, стратегии отбора случаев, интерпретация, валидность интерпретации, интерпретативный релятивизм.

Исследование случая (case study) представляет собой детализированный анализ человека, группы, организации, события, фрагментов биографии и т.п. в рамках того реального, жизненного контекста, в котором они существуют. В методологии case study различают исследовательский план, состоящий в анализе отдельного случая (single-case study), а также исследовательский план, включающий в себя исследование нескольких случаев (multiple-case study). Последний вариант предполагает, что каждый из случаев анализируется как отдельный, и затем исследователь ищет возможные переклички случаев, общие темы и т.п.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Грант 07-06-00405.

Надо сказать, что case study является очень распространенным «жанром» в психотерапии и консультативной психологии, т.е. в практико-ориентированных областях. В собственно же психологических исследованиях он встречается довольно редко, поскольку традиционно подобного рода исследованиям психологи приписывают весьма низкий научный статус.

В последнее время, однако, появилось значительное количество методологических работ (*Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992; Stake, 2005; Yin, 2003; et al.*), авторы которых обосновывают эвристичность и высокий научный потенциал case study, а также ставят вопросы о том, как можно улучшить качество исследований, основанных на анализе отдельных случаев, какие технические процедуры могут повысить достоверность и надежность результатов подобных исследований и т.п. В настоящей статье кратко затронуты некоторые общие места критики case study и наиболее сильные контр-аргументы, свидетельствующие о несостоятельности этой критики, в контексте современных представлений о природе научного познания. А также освещены технические вопросы, связанные с планированием исследования отдельных случаев, выделением единиц анализа и стратегиями подбора самих случаев, релевантных исследовательской проблеме.

Роль исследований случаев в научном познании

Согласно распространенному мнению, исследование, основанное на анализе отдельных случаев, научно несостоятельно, прежде всего, потому, что, во-первых, мы не можем обобщать результаты, полученные на отдельных случаях, а целью и интересом любой науки являются именно обобщения, и, во-вторых, исследования отдельных случаев несут с собой риск неконтролируемой склонности к верификации, иными словами, в исследованиях отдельных случаев мы сталкиваемся с тенденцией исследователя подтверждать любые свои предположения. Однако в современной методологической литературе (*Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992; et al.*) представлены очень веские аргументы в пользу того, что данные утверждения ошибочны.

Исследования отдельных случаев не дают возможности делать статистические обобщения, однако они позволяют работать с иными типами обобщений. В частности, Р.Стейк (*Stake, 2005*), анализируя виды обобщений на материале исследования случаев, выделил так называемые «естественные (naturalistic) обобщения», которые основаны на личном опыте человека, выводятся из имплицитных знаний человека

о мире и приводят к формированию тех или иных ожиданий. Как правило, детальное описание случая дает читателю информацию для подобного типа естественных ожиданий, которые он формирует, действуя мышление по аналогии.

Как указывает ряд авторов (*Flyvbjerg*, 2006; *Stake*, 2005; et al.), исследования случаев позволяют делать и более строгие аналитические обобщения. В этом случае исследователь выдвигает в пользу своих обобщений рациональные аргументы, как правило, основанные на теории или более широких философских размышлениях. С.Квале, ссылаясь на статью М.Кеннеди «Обобщение, опирающееся на отдельно взятые случаи», пишет, что выводы о степени обобщенности результатов из исследований единичных случаев должны быть основаны на правилах, с которыми могут согласиться разумные люди. Причем, эксплицируя аргументы и предоставляя читателю по возможности всю полноту информации, исследователь как бы приглашает читателя оценить обоснованность выдвигаемых им притязаний на обобщения (*Квале*, 2003).

Б.Фливерберг (*Flyvbjerg*, 2006) показывает, что на основании исследования отдельных случаев мы можем делать даже строгие логические обобщения — для этого необходимо логически выверенное моделирование экспериментальной ситуации и правильный выбор случаев. Фливерберг подчеркивает, что подобного рода обобщения нередко используются в естественных дисциплинах, например, в физике, и именно опыт физики ярко демонстрирует, что для строгих обобщений в ряде случаев необходимы не статистические исследования, высвечивающие типичность проявлений того или иного феномена, а логика концептуального моделирования и последующий анализ соответствующего случая. Примером подобного логического обобщения может быть знаменитый концептуальный и затем практический эксперимент Галилея, позволивший последнему доказать, что скорость падения тел не зависит от их массы¹. Как видим, Галилею не нужны были серии систематических наблюдений за тем, как случайно отобранные объекты падают со случайно отобранных высот в условиях различной силы ветра и т.п. Напротив, он сделал свои выводы из исследования инди-

---

¹ Напомню, что Галилей сбрасывал с Пизанской башни в один и тот же момент тяжелое пушечное ядро и значительно более легкую мушкетную пулю (был ли это реальный эксперимент или лишь воображаемый, для нас сейчас не имеет значения). Поскольку оба тела примерно одинаковой обтекаемой формы, то и для ядра, и для пули силы сопротивления воздуха пренебрежимо малы по сравнению с силами притяжения. Оказалось, что оба предмета достигают земли в один и тот же момент, то есть скорость их падения одинакова.

видуального случая, но такое оказалось возможным благодаря концептуальному подбору необходимых объектов (в данном случае это объекты, предоставляющие возможность пренебречь силой сопротивления воздуха). Несколько позднее, когда был изобретен воздушный насос, представления Галилея получили подтверждение в эксперименте, сегодня известном каждому школьнику: в вакуумной камере металлическая монета и перо падают с одинаковой скоростью. Как видим, в эксперименте фигурируют объекты, представляющие собой крайние случаи (тяжелый металл и легкое перо). Статистическая случайная выборка объектов здесь не требуется: если наше представление подтверждается для крайних случаев, то оно будет тем более верным для других случаев.

С.Квале (*Квале*, 2003) справедливо замечает, что история психологии тоже свидетельствует о том, что обобщенное знание зачастую является результатом интенсивного изучения отдельных случаев. В качестве примера можно вспомнить вклад изучения З.Фрейдом индивидуальных случаев в общие знания по психологии личности и психопатологии. Если пример психоанализа для кого-то будет выглядеть сомнительным в силу неоднозначности его научного статуса, то можно напомнить, что пионерское исследование в естественнонаучной психологии — экспериментальное исследование запоминания и забывания бессмысленных слогов Г.Эббингауза — тоже было исследованием одного случая — его самого. Исследование когнитивного развития детей Ж.Пиаже начиналось с экспериментов с его собственными детьми (*там же*). Против частого использования больших выборок и статистики в психологии возражали радикальный бихевиорист Б.Ф.Скиннер и сторонник естественнонаучной «галилеевской» психологии К.Левин. По мнению К.Левина, именно изучение индивидуальных случаев способно приводить к «усмотрению» сущностей (*Левин*, 1990).

Механизм, лежащий в основании обобщений на материале отдельных случаев, прекрасно раскрыт Д.Кэмпбеллом (*Кэмпбелл*, 1996). Исследователь, согласно Кэмпбеллу, обладает способностью формировать целостное представление об исследуемом объекте в условиях неполной и противоречивой эмпирической информации, и этот целостный концептуальный образ (гештальт) предшествует распознаванию отдельных сторон объекта, которые могут быть квантифицированы. Но насколько такой интуитивно сформированный исследователем концептуальный образ будет свободен от его субъективных фантазий и проекций? Кэмпбелл считает, что качественное исследование случая обладает внутренними механизмами самокоррекции. «В ис-

следовании отдельных случаев, проведенном «бдительным» социальным исследователем, теория, которую он создает для объяснения основной проблемы, порождает предсказания и ожидания относительно большого числа других аспектов наблюдаемой им культуры. Поэтому он не принимает теорию до тех пор, пока большинство таких ожиданий тоже не получит подтверждения. В отличие от статистической проверки исследователь, работающий качественными методами, перепроверяет свою теорию с помощью степеней свободы, образуемых многочисленными следствиями, существующими в любой логически упорядоченной теории» (*там же*, с.282). Иными словами, Кэмпбелл подчеркивает, что обобщения отдельных случаев основаны на концептуализациях, которые, в свою очередь, должны обладать качеством логической непротиворечивости и интуитивной правдоподобности. Кроме того, Кэмпбелл указывает, что сама реальность представляет собой весьма требовательную и настойчивую силу, которую можно недооценивать, но от которой невозможно уклониться.

Таким образом, согласно всем цитируемым выше авторам, обобщения на основании исследования отдельных случаев вполне корректны, и сами исследования случаев, наряду с другими формами исследований, вносят свой вклад в развитие обобщенного научного знания.

Вместе с тем исследования отдельных случаев позволяют по-новому оценить саму ориентацию науки на универсальные обобщения. Как справедливо замечает Б.Фливерберг (*Flyvbjerg*, 2006), формальные генерализации — далеко не единственный способ получения и аккумуляции научного знания. То, что знание не может быть обобщено (в формальном смысле этого слова), вовсе не означает, что оно бесполезно для непрерывно совершающегося в обществе процесса коллективного развития знания: чисто описательное исследование случая, не претендующее на какие-либо обобщения, тоже имеет свою ценность, поскольку открывает иной путь к научным инновациям.

Вообще столь значительный акцент на формальных обобщениях основан на допущении, что универсальное, не зависящее от контекста теоретическое знание представляет собой высший уровень знания и, соответственно, более ценно, чем знание конкретное, практическое, контекстуальное. Бент Фливерберг выдвигает против этого допущения два серьезных возражения (*ibid.*). Во-первых, как показывают феноменологические исследования процесса обучения, овладение контекстуально-опосредованным знанием является необходимым условием перехода обучающегося с уровня «новичка» на уровень «виртуоза-эксперта». В отличие от начинающих специалистов, ориентирующихся

на подчиняющуюся правилам аналитическую рациональность и абстрактные формулы, истинные эксперты свободно оперируют нюансированным знанием, основанным на опыте индивидуальных случаев, они обладают способностью проводить тонкие различия между ситуациями, не сводя их к набору стандартных правил. Если научное знание ограничить универсальными абстракциями, то человек, в него посвящаемый, никогда не преодолет уровня «новичка» в понимании человеческой реальности (ibid.). Другое возражение, выдвигаемое Фливербергом против ориентации социальных наук на универсальное знание как высшую ценность, состоит в том, что в социальных науках, по всей видимости, вообще невозможно достичь такого уровня знания. «Мягкие» обобщения и контекстуально-опосредованное знание — это то, с чем в действительности имеет дело социальная наука. «Иногда нам нужно просто открыть глаза и внимательно наблюдать индивидуальные случаи — не в надежде что-либо доказать, но в надежде чему-то научиться» (H. Eysenck, цит. по: *Flyvbjerg*, 2006, p.224).

Исследования случаев замечательны тем, что дают исследователю выход к реальным жизненным ситуациям и позволяют «ухватить» целостные типы человеческого поведения, в принципе не редуцируемые к стерильным теоретическим формулам. В этом смысле ценность исследований случаев не только и не столько в том, что на их основе возможны, как это было показано выше, формальные обобщения достаточно высокого уровня. В четких, терминологически выверенных концептах нередко теряется контекстуальная и взаимопроникающая природа сил. Как заметил Ричард Рорти, самый верный способ расколдовать мир — это держаться конкретного. Исследование случая может стать тем детализированным повествованием — «дискретной и на первый взгляд незначительной истиной, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживает в себе зародыш парадигм, метафор и универсализма» (ibid., p.238). История случая, во всей ее многогранности, сложности и противоречивости, связанная не столько с конкретными теориями той или иной дисциплины, сколько с более широкими философскими позициями, — это, так сказать, «виртуальная реальность». «Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория» (ibid., p.238-239). Речь не идет о том, чтобы подорвать ценность теоретических обобщений. Скорее, это напоминание о том, что теоретические обобщения — не единственный источник научного развития. Выдающийся историк и методолог науки Томас Кун говорил, что дисциплина без большого числа тщатель-

но проведенных исследований случаев — это дисциплина без систематического производства образцовых примеров, а дисциплина без образцовых примеров — неэффективна.

Как уже было отмечено, представление о том, что исследования случаев несут с собой опасность неконтролируемой склонности исследователя подтверждать свои гипотезы, столь же ошибочно, как и представление о невозможности обобщения случаев. Практика исследований случаев показывает, что скорее фальсификация, а не верификация является их характерной чертой: исследователи, проводившие глубинные case studies, свидетельствуют, что их первоначальные взгляды, предположения и гипотезы в процессе исследования значительно поменялись (*Flyvbjerg, 2006; Ragin, Becker, 1992*). Вообще склонность обращать внимание на факты, подтверждающие собственные мнения, и не замечать того, что их опровергает, присуща человеческой природе, как об этом в свое время писал Фрэнсис Бэкон. И, безусловно, ценность научного познания в том, что оно основано на процедурах систематического контроля таких искажений. С проблемой субъективизма и склонности к подтверждению гипотез сталкивается любой исследователь, независимо от того, какие методы и исследовательские планы он использует. В этом смысле произвольности у сторонников case study ничуть не больше, чем у тех, кто проводит исследования с использованием стандартизованных опросников и методов статистической обработки. Например, элемент произвольного субъективизма может быть весьма значителен при выборе категорий и переменных для количественного исследования. Причем, как справедливо замечает Б.Фливберг (*Flyvbjerg, 2006*), эту субъективность крайне сложно заметить и исправить в процессе исследования, поскольку исследователь чересчур отстранен от исследуемых и не получает от них живой обратной связи. Еще раз стоит подчеркнуть, что преимущество case study в том, что оно очень близко реальным жизненным ситуациям и дает возможность проверять предположения, практически взаимодействуя с феноменами. А реальность, как мы уже это отмечали, ссылаясь на Д.Кэмпбелла, слишком настойчива, чтобы от нее можно было с легкостью уклониться.

Планирование исследования случая

Итак, исследования случая могут играть весьма важную роль в развитии психологического знания. Однако, как и в других типах исследований, достоверные, интерсубъективно значимые результаты case studies можно получить лишь в том случае, если исследователю удастся

контролировать искажения исследовательского процесса. В этой связи тщательное продумывание процедуры исследований случаев становится для исследователя важнейшей задачей, от решения которой напрямую зависит качество предстоящего исследования.

Типы исследований случаев. В зависимости от цели научной работы, исследователь может планировать различные типы исследований случаев. *Иллюстративные case studies* направлены на то, чтобы на нескольких примерах продемонстрировать «работу» предложенной исследователем теоретической модели или прояснить выдвигаемые им теоретические концепты. Иллюстративные исследования случаев позволяют более полноценно «ввести» читателя в смысловое поле исследователя, тем самым предоставив читателю возможность найти с исследователем «общий язык». В качестве примеров таких иллюстративных исследований случаев могут выступить клинические описания известных людей или литературных персонажей, базирующиеся на обосновываемой исследователем характерологической (или другой) типологии (см., к примеру: Волков, 2000).

Другой тип case studies — *поисковые* (или *пилотажные*) исследования. Их главная функция — на основании детального анализа нескольких случаев понять интересующий исследователя феномен, генерировать гипотезы, определить переменные и т.п. с тем, чтобы на следующем этапе провести масштабное (как правило, количественное) исследование, посвященное проверке выдвинутых предположений и позволяющее уже сделать более или менее определенные выводы. Кстати сказать, именно данный тип исследований случаев, как правило, принимается большинством исследователей в качестве научно обоснованного. Однако, как мы попытались показать выше, сводить функцию исследований случаев лишь к поисковым действиям определения проблемы и генерирования гипотез было бы ошибочно. Case studies могут обладать ценностью сами по себе, как относительно законченные исследования, хотя пилотажные исследования случаев по-прежнему остаются очень актуальными.

Индуктивно-аналитические описательные и теоретические исследования случаев представляют собой следующую группу case studies. Мы их отнесли к одному типу исследований потому, что четкого различия между описанием и собственно теорией, индуктивно выводимой из случаев, на наш взгляд, провести невозможно: исследования будут описательными по своему характеру, с присущим им движением в сторону обобщений, создания концептуальной рамки и теоретизаций, при этом исследователь всякий раз решает, на каком уровне кон-

цептуализации ему стоит остановиться. Психоаналитическая литература дает довольно много интересных примеров подобного рода. Используемые в психоанализе концепты имеют статус, скорее, мета-герменевтических, чем собственно теоретических понятий: это лишь некие общие схемы, позволяющие структурировать случай и на этой основе углублять понимание интересующего исследователя феномена. К примеру, В.А.Зимин, используя некоторые концепты психоанализа З.Фрейда, Ж.Лакана и теории объектных отношений, обращается к фильму Педро Альмодовара «Все о моей матери» и на материале анализа случаев — судеб героев этого фильма — размышляет о таком феномене, как трансгрессия границ между полами и поколениями, ее соблазнительности и опасностях (Зимин, 2004). Пример непсихоаналитической теоретизации на материале отдельного случая можно найти в работе Г.Гарфинкеля (Garfinkel, 1967). Классическое исследование Гарфинкеля известно как «случай Агнес»: Агнес родилась и воспитывалась мальчиком до 18 лет; в 18 лет она поменяла пол, имя, переехала в другой город; Гарфинкель описывает, как Агнес постепенно приобретает женский опыт, школу которого ей не удалось пройти и который частично известен, но во многом невидим, поскольку растворен в повседневных отношениях; исследуя случай Агнес, Гарфинкель теоретизирует по поводу социально-конструктивной природы пола.

Наконец, возможно планирование *гипотетико-дедуктивного* исследования случая, направленного на проверку гипотез. На примере приведенного выше физического эксперимента Галилея можно отследить логику подобного исследования: его начало — мыслительный (концептуальный) эксперимент, моделирующий теоретическое представление, которое затем должно быть подвергнуто проверке посредством анализа соответствующим образом подобранного случая (или нескольких случаев). Как правило, в гипотетико-дедуктивных исследованиях предполагается подбор так называемых *критических* случаев, т.е. случаев, стратегически важных в связи с решаемой исследовательской проблемой, так что полученная на материале данного случая информация позволяет сделать дедуктивный вывод: «если это верно/неверно для данного случая, то это тем более верно/неверно для других случаев». Например, если мы предполагаем устойчивость традиционных установок, которые, по нашему мнению, должны оказывать значительное влияние на формирование гендерной идентичности современных женщин, то для проверки нашего предположения нам нужно исследовать случаи женщин, стиль жизни которых в максимальной степени не соответствует традиционным представлениям о женственности. И если

в этих случаях мы выявим, что традиционные установки все-таки занимают важное место в структуре субъективности этих женщин, то мы можем сделать вывод, что это тем более верно для женщин, стиль жизни которых гораздо более традиционен. Ниже я более подробно коснусь стратегий подбора случаев в зависимости от целей исследования.

Основные компоненты исследовательского «дизайна» case study. Как и в случае других типов исследования, выбор такого исследовательского «дизайна», как case study (single-case или multiple-case study) определяется проблемой исследования, а также предпочтениями самого исследователя — его перспективой видения проблемы, способом постановки исследовательских вопросов и т.п. Безусловно, выбор любого исследовательского «дизайна» должен быть рационально обоснован и убедителен для исследовательского сообщества. Case studies чаще всего проводятся, когда исследователя интересуют сложные, комплексные феномены в их реальном жизненном контексте.

В методологической литературе нередко отмечается, что выделить четкий алгоритм процедуры планирования и проведения любого исследования невозможно. Однако вполне можно эксплицировать наиболее важные ориентиры для самоопределения исследователя. Для исследований случаев удобную схему предлагает Роберт Йин (Yin, 2003). Он выделяет пять основных компонентов исследовательского «дизайна», ориентация на которые, на наш взгляд, может помочь исследователю планировать и иные, отличные от case study, типы исследовательской работы: 1) исследовательские вопросы; 2) предположения и гипотезы (если они есть), 3) единицы анализа (феномен, его конкретные стороны и аспекты), 4) формы логической связи данных с исследовательскими вопросами и предположениями, 5) критерии интерпретации результатов. Кроме того, в дополнение к этим пяти базовым компонентам, Р.Йин подчеркивает важность прояснения теоретической перспективы исследователя, определения целей исследования, обоснования стратегий отбора случаев и выбора методов и методик сбора данных, а также продумывания общей композиции итогового отчета (ibid.).

По мнению Йина (ibid.), грамотный, хорошо спланированный проект case study предполагает ведение исследовательского протокола, который должен включать в себя следующие секции: 1) общий обзор проекта (проблема исследования, цели проекта, предмет интереса и т.п.), 2) «полевые» процедуры (определение форм и способов работы, необходимые разрешения, согласия, доступы к сайтам и т.п.), 3) исследовательские вопросы (то, что исследователь должен всегда «дер-

жать в уме» в процессе сбора данных), 4) план отчета (общий эскиз, формат изложения и т.п.).

Попробуем прокомментировать некоторые из приведенных рекомендаций Йина, как нам представляется, не особо ясные из краткого перечисления, но заслуживающие, на наш взгляд, самого пристального внимания.

Наиболее важной характеристикой case study является ориентация на целостное, детализированное описание феномена. Как и другие качественные исследования, case studies обычно направлены на получение максимальной информации, касающейся исследовательской проблемы или феномена. Исследовательскими вопросами, для ответа на которые вполне логично проведение case study, могут быть, к примеру, те, которые имеют отношение к прояснению глубинных причин, лежащих в основании проблемы, и их последствий. Но вряд ли этими вопросами могут быть вопросы о самих «симптомах» проблемы и частоте их выраженности в популяции.

Р.Йин подчеркивает, что далеко не всякое исследование случаев нуждается в гипотезах. В самом деле, ни иллюстративные, ни поисковые исследования случаев гипотез не предполагают. То же самое можно сказать и об индуктивно-аналитических исследованиях. Все эти типы исследований нуждаются в четком определении исследовательских целей и задач, а также в выделении критериев, по которым исследователь будет оценивать успех своей работы.

Следующий очень важный для исследований случаев момент — разделение собственно случаев и единиц анализа. Именно единицы анализа имеют отношение к предмету, интересующему исследователя, и определяют собой логику подбора случаев. Вообще можно сказать, что именно взаимодействие между единицами анализа и самими случаями является конститутивным элементом исследований случаев (*Sjoberg et al.*, 1991; *VanWynsberghe, Khan*, 2007). Наиболее простой пример отношений случая и единиц анализа можно позаимствовать из юридической сферы (*VanWynsberghe, Khan*, 2007). Для защиты своего клиента в суде адвокат может выбрать различные типы основания, к примеру, историю жизни обвиняемого, его психическое состояние во время совершения преступления, систему связей обвиняемого с отдельными людьми и группами людей и даже специфические культурные аспекты его жизни. Можно провести аналогию между выбираемым адвокатом основанием защиты и единицей анализа. Если, к примеру, адвокат фокусируется на системе связей обвиняемого, то случай может принять форму «случая козла отпущения», когда обвиняемый

предстает перед нами лишь частью более широкой криминальной проблемы. Если адвокат фокусируется на истории жизни обвиняемого, то это может быть, к примеру, «случай детской травмы». И т.п. По мере того, как набирается соответствующая информация, касающаяся выбранного адвокатом основания защиты, сам случай приобретает все большую определенность (даже если принять во внимание тот факт, что в адвокатской практике случай задан с самого начала, что, как правило, не характерно для научных исследований).

Как можно видеть из приведенного примера, именно единицы анализа определяют, случаем чего является исследуемый случай. В упоминавшемся исследовании В.А. Зими́на (*Зимин*, 2004), обратившегося к материалу фильма «Все о моей матери», единицами анализа являются представленные в данном фильме формы нарушения/преодоления границ между полами и поколениями, и можно сказать, что феномен трансгрессии конституирует исследуемые Зиминым случаи. Хотя единицы анализа определяются на стадии планирования исследования, сложность состоит в том, что в процессе исследования первоначально определенные единицы анализа могут несколько меняться, тем самым видоизменяя сам «случай». Бент Фливберг, к примеру, предупреждает, что исследователь, проводящий case study, должен быть готов к самым критическим поворотам своего замысла (*Flyvbjerg*, 2006).

Р.Йин (*Yin*, 2003) замечает, что формы логической связи между данными и предположениями, а также критерии анализа результатов — наименее разработанные аспекты case studies. Ряд авторов (*Campbell*, 1975; *Stake*, 2005; *Yin*, 2003) в качестве основной техники связывания данных с предположениями, на которую может ориентироваться исследователь, называет «сравнение признаков» (pattern-matching). Вообще сравнение признаков, по-видимому, можно считать одним из самых важных процессов, посредством которых приобретает знание. Суть его состоит в том, что исследователь вначале выдвигает некоторые предположения или, как говорит К.Лоренц (*Лоренц*, 1998), исследователь вначале «что-то думает», потом сравнивает это с опытом или с поступающими извне данными, чтобы затем из совпадения или несовпадения заключить, верно или неверно «то, что он думал». Иными словами, техника сравнения признаков — это сравнение между внутренней, каким-то образом возникающей в сознании закономерностью и другой закономерностью, существующей во внешнем мире. Совпадение этих закономерностей и есть то, что можно назвать «знанием». По-видимому, сравнение признаков является главной аналитической техникой большинства case studies.

Роберт Йин рекомендует исследователям на стадии планирования определять теоретическую перспективу, в рамках которой будет выполняться исследование. Однако мы бы особо отметили, что определение теоретической перспективы можно понимать довольно широко: это не обязательно должны быть рамки конкретной теории или концепции в пределах той или иной профессиональной дисциплины; на наш взгляд, исследователь может попытаться соотносить свое исследование с более широкими философскими идеями. В последнем случае исследователь получает возможность занять в некотором смысле мета-теоретическую позицию, которая хотя и не требует от него четкого самоопределения, например, в плане концептов, значение которых всегда обусловлено системой внутренних связей теории, тем не менее требует серьезной рефлексии в отношении собственных ценностей, а также этических и парадигмальных приоритетов. Кому и чему в конечном счете служит исследование — важнейший вопрос, ответ на который всегда предполагает выход за пределы области, непосредственно контролируемой научным методом, в сферу более широких философско-антропологических дискуссий о природе человека, константах человеческого существования и т.п.

Относительно подбора методов и методик в исследованиях случаев трудно сказать что-либо определенное, кроме того, что они должны отвечать исследовательскому замыслу и давать возможность собрать ту информацию, которая необходима для решения исследовательских задач. Р.Йин (Yin, 2003) к тому же подчеркивает, что в исследованиях случаев для повышения их надежности очень важна методологическая триангуляция, т.е. использование в исследовании различных методов и техник с тем, чтобы у исследователя была возможность сопоставлять результаты, полученные разными путями. Поэтому в большинстве исследований случаев лучше планировать применение нескольких методов сбора и анализа данных. Кроме того, повышению надежности результатов case study может способствовать планирование исследования, в котором будет занят не один, а несколько исследователей, имеющих возможность вступать в диалог друг с другом по поводу полученных в исследовании результатов.

Планируемый анализ данных, полученных в результате проведения case study, может быть различным: это могут быть процедуры систематического кодирования и описания категорий (Семенова, 1998), «восхождение к теории» на основании первоначально выделяемых категорий (Семенова, 1998; Траусс, Корбин, 2007), тематический анализ (Braun, Clarke, 2006) и другие. Широкое применение в исследова-

ниях случаев нашли методы дискурсивного и нарративного анализа (Bollis-Pecchi, 2000). На наш взгляд, в методологии исследования случаев весьма полезно совместное использование феноменологического и интерпретативного модусов понимания: на первом этапе анализа данных исследователь представляет сжатое изложение наиболее очевидных смыслов, ориентируясь на самопонимание исследуемого (феноменологический модус), и затем приступает к концептуальной интерпретации текста (интерпретативный модус). Примером такого совместного использования двух модусов понимания может служить анализ случая религиозного обращения (Popp-Baier, 2001). Автор начинает исследование с некоторых теоретических соображений. Описание случая открывает рассказ об истории религиозного обращения девушки в модусе самопонимания последней, и лишь затем автор переходит к психологической интерпретации этой истории в контексте тех теоретических представлений, с которых он начал свою статью. Интересно, что выбранная теоретическая перспектива основана на идеях нарративной и дискурсивной психологии, делающих акцент на перформативных аспектах языка и противопоставляющих себя традиционным формам психологической интерпретации. Возможен ли в данном случае выбор иной теоретической перспективы и каковы критерии правильности такого выбора? Здесь мы вплотную подошли к важнейшей проблеме, с которой сталкиваются не только те, кто проводит исследование в формате case study, но которая является, пожалуй, одной из фундаментальных проблем качественной методологии исследования в целом, — это проблема множественности интерпретаций. Чуть ниже мы предлагаем ее краткое обсуждение.

Стратегии отбора случаев. Огромное значение для исследований случаев имеет подбор самих случаев. Как правило, стратегии случайного отбора в исследованиях такого рода не эффективны: типичные или среднестатистические случаи зачастую гораздо менее информативны для глубокого понимания тех или иных феноменов, чем, скажем, крайние («девиантные») случаи. В исследованиях случаев чаще всего применяют стратегии формирования целевой выборки: отбираются те случаи, от которых исследователь ожидает большей содержательной информативности. Бент Фливберг (Flyvbjerg, 2006) предлагает следующую классификацию целевой выборки для исследований случаев: *крайние* («девиантные») случаи; *максимально вариативные* случаи; *критические* случаи; *парадигматические* случаи.

Крайние случаи позволяют увидеть феномен в наиболее ярком, иногда даже драматичном свете, как это характерно, к примеру, для

случая «Человека-волка», описанного З.Фрейдом. Подбор *максимально вариативных* случаев часто используется в исследованиях коллекции случаев (multiple-case studies); предполагается, что отбираемые при этом случаи максимально отличаются друг от друга по каким-либо значимым для исследования характеристикам.

Критические случаи дают информацию, позволяющую делать дедуктивные выводы, касающиеся широкого класса случаев. Примерами *критических* случаев являются приведенные выше использование в эксперименте монеты и пера для доказательства того, что в вакууме физические объекты падают с одинаковой скоростью, и исследование женщин с наименее традиционным стилем жизни для доказательства устойчивости традиционных установок. Б.Фливерберг (ibid.) подчеркивает, что не существует универсальных методологических принципов, которые бы позволили определенно идентифицировать случаи как критический. Однако при этом Фливерберг дает очень ценный методологический совет: нужно искать случаи, от которых ожидается, что они будут либо максимально подтверждать, либо максимально опровергать гипотезы и предположения; если ожидается, что случай должен максимально подтверждать гипотезу, а он ее опровергает, то этот случай идеально подходит (является *критическим*) для фальсификации пропозиций, и наоборот, если ожидается, что случай должен опровергать гипотезу, а он ее подтверждает (как в эксперименте с монетой и пером), то этот случай идеально подходит (является *критическим*) для верификации пропозиций. К примеру, мы хотим показать, что личностно значимые выборы совершаются человеком на основании критериев экзистенциального характера и в гораздо меньшей мере являются результатом его рассудочного взвешивания всех «за» и «против». Чтобы фальсифицировать обратное утверждение (личностно значимые выборы, как и любое принимаемое решение, — результат последовательного взвешивания альтернатив), нам нужно привлечь к исследованию людей (найти *критические случаи*), которым в максимальной степени свойственно следовать принципам рационального выбора. И если и в этом случае мы увидим, что личностно значимые выборы подразумевают обращение к иным, вне-рациональным, критериям, то мы можем предположить, что для менее рациональных людей еще менее характерно совершать личностно значимые выборы путем рационального взвешивания альтернатив. Гипотеза окажется фальсифицированной именно потому, что мы привлекли к исследованию случаи, от которых ожидалось, что они будут ее максимально подтверждать, но они, напротив, опровергли.

В приведенном выше примере доказательства устойчивости традиционных установок в структуре женской субъективности мы предложили привлечь к исследованию женщин, стиль жизни которых максимально отличается от традиционного. Ожидается, что такие случаи должны опровергать наше предположение, но если они его подтверждают, то предполагать устойчивость традиционных установок для женщин с более традиционным жизненным стилем будет тем более верно. Наша гипотеза окажется верифицированной благодаря тому, что она оказалась верной для случаев, которые должны были ее опровергнуть.

Следующая группа случаев — Фливерберг их называет *парадигматическими* — это, по сути, емкие метафоры, описывающие наиболее значимые стороны каких-либо феноменов, практик и т.п. *Парадигматическим* случаем является случай царя Эдипа, который Фрейд кладет в основание культурного развития человека. Другой пример *парадигматического* случая — «Паноптикум» Бентама, который в произведениях М.Фуко приобретает черты культурной парадигмы, метафорически «схватывающей» сущность эпохи западного модерна. Что именно позволяет определить случай в качестве *парадигматического*, т.е. случая, имеющего метафорическую ценность и способного быть прототипом других случаев, — вопрос еще более сложный, чем тот, который касается определения критических случаев. Как пишет Б.Фливерберг (*ibid.*), для определения парадигматических случаев нет стандартов, поскольку они сами определяют эти стандарты. Фливерберг приводит ответ Г.Дрейфуса на вопрос о том, что такое парадигматический случай: «Хайдеггер говорит, что распознать парадигматический случай можно потому, что он сияет, но я боюсь, что это не поможет. Вам нужно просто включать интуицию... Это большая проблема для демократического общества, где предполагается, что люди всегда могут обосновать свою интуицию. Так что вам всегда нужно давать обоснования, хотя это могут быть далеко не те обоснования, на которые вы действительно опираетесь» (H.Dreyfus, цит. по: *Flyvbjerg*, 2006, p.232). Безусловно, можно согласиться с Дрейфусом, что для определения парадигматического случая необходима интуиция, но, как справедливо замечает Фливерберг, вряд ли можно согласиться с тем, что интуицию невозможно обосновать. Этнометодологические исследования практики научных исследований показывают, что сама эта практика основывается на процедурах, зачастую ощущаемых и описываемых как интуитивные. Однако интуитивные решения в немалой степени подотчетны сознанию, в том смысле, что по необходимости их можно эксплицировать

для других участников научных исследований. По-видимому, то же самое можно сказать и относительно определения парадигматических случаев: мы интуитивно определяем тот или иной случай в качестве парадигматического, но по необходимости мы можем привести аргументы в пользу нашего выбора, вполне осмысленные для других членов научного сообщества. Кроме того, Фливерберг отмечает, что заранее определять, парадигматический это случай или нет, не столь важно (*ibid.*). Исследователи могут лишь показать, что выбранный ими случай действительно может представлять интерес в парадигматическом смысле, и рационально аргументировать свой выбор. Станет ли действительно случай парадигматическим, во многом зависит от того, как проведено само исследование, а также от реакции на него со стороны научного и более широкого людского сообщества.

Наконец, подчеркнем, что различные стратегии отбора случаев не обязательно исключают друг друга: случай может быть одновременно и крайним, и критическим, и парадигматическим, он открывает перед исследователем различные перспективы, в зависимости от того, как исследователь его интерпретирует и к какому типу случаев его относит. В целом приведенная классификация Б.Фливерберга дает хорошее представление о том, на что может ориентироваться исследователь, формируя выборку для предстоящего исследования отдельного случая или коллекции случаев.

Проблема множественности интерпретаций

Выше уже говорилось, что интерпретацию случая во многом определяет выбор теоретической перспективы. Если это так, должны ли мы принять позицию теоретического релятивизма и признать правомерность множества интерпретаций, ориентированных на различные теоретические перспективы? Или более оправданной является позиция поиска возможных оснований для сравнения теоретических перспектив (по крайней мере, в аспекте их применимости по отношению к данному материалу)? Скажем сразу, что мы в большей мере склоняемся ко второй точке зрения. Вслед за рядом видных теоретиков, озадаченных проблемами интерпретации в гуманитарных науках и литературной критике (среди их числа, к примеру, П.Рикер (*Ricoeur*, 1979), У.Эко (*Eco*, 1992) и др.), мы принимаем принцип критического рационализма К.Поппера, согласно которому довольно сложно определить критерии «истинности» интерпретации, но, как минимум, можно найти правило для установления «ложных» интерпретаций. И таким правилом для нас является способность или неспособность интерпрета-

тора следовать за эмпирическим материалом в его целостности, степень «программируемости» интерпретации текстом.

В своей впечатляющей статье, посвященной серьезной проблеме обоснованности интерпретаций в психобиографических исследованиях, У.М.Руниан (*Runyan*, 1981) приводит примеры более десяти имеющихся в литературе интерпретаций известного инцидента из жизни Ван Гога: последний, как мы знаем, однажды отрезал себе мочку уха и отнес «подарок» в бордель, где отдал его одной местной женщине². Руниан показывает, что целый ряд интерпретаций «случая Ван Гога» базируется на цепочке предположений, ни одно из которых не имеет эмпирических оснований. К примеру, не имеет никаких эмпирических оснований предположение, будто Ван Гог соревновался с Джеком Потрошителем, у нескольких жертв которого было отрезано ухо, но, будучи мазохистом, он обратил действие Джека на самого себя: «Приведенное объяснение предполагает, что Ван Гог читал об этих историях в местной газете, что он обратил внимание на такую деталь, как отрезанное ухо, о которой упоминалось в 2-х из 15-ти случаев, что это произвело на него неизгладимое впечатление и именно оно владело им в ту ночь, когда он порезал себе ухо. Такое объяснение базируется на цепочке предположений, ни одно из которых не имеет эмпирических оснований, поэтому данное объяснение остается неподтвержденным» (*ibid.*, p.1073). Сравним данную интерпретацию с еще одной из приводимых Рунианом: самокалечение Ван Гога — это бессознательная стратегия привлечь к себе внимание брата; непосредственно перед тем, как отрезать себе мочку уха (23 декабря), Ван Гог узнал, что он не сможет, как это ожидалось, встречать Рождество со своим братом. Руниан убедительно демонстрирует, что у последней интерпретации есть вполне разумные эмпирические основания: у Ван Гога уже наблюдалось два психических срыва, которые также были связаны с угрозой потерять эмоциональную и финансовую поддержку брата (вначале в связи с женитьбой брата и затем в связи с рождением у него ребенка); более того, в жизни Ван Гога были и другие эпизоды, характеризующиеся «мазохистическим ответом на ситуации отвержения или потери любви» (*ibid.*, p.1074). «Критическая проверка, — пишет Руниан, — ...позволяет отбрасывать многие утверждения как неправдоподобные

---

² Сейчас существует версия, что ухо Ван Гогу на самом деле отрезал Поль Гоген. Но для наших целей демонстрации обоснованности интерпретаций выяснять, какова правда, не столь актуально. Заметим, однако, что этот пример показывает принципиальную *фаллибельность* любых интерпретаций и объяснений, которые не могут быть окончательными и всегда нуждаются в улучшении.

или маловероятные» (ibid., p.1075). И далее он утверждает, что в идеале процесс «отбраковывания» альтернативных утверждений должен привести к единственной хорошо обоснованной интерпретации (ibid.).

Однако нам представляется, что даже после того, как будут отброшены заведомо неэкономичные и не согласующиеся со всем комплексом данных интерпретации, можно предположить, что часть проблемы все-таки останется. Мы можем столкнуться с ситуацией, когда несколько теоретических интерпретаций вполне отвечают эмпирическому материалу и выбор той или иной теоретической перспективы, казалось бы, не имеет никаких оснований, кроме личных предпочтений исследователя (С.Квале приводит пример интерпретации улыбки Сюзанны шестью психотерапевтами, ориентирующимися на различные концептуальные установки; каждая из приведенных интерпретаций вполне правдоподобна — Квале, с.200-201). Однако даже в этом случае мы бы не стали поддерживать позицию интерпретативного релятивизма, хотя в принципе мы допускаем возможность нескольких правдоподобных интерпретаций. С.Квале высказывает важную мысль о взаимосвязанности контекстов интерпретации, в частности, контекста той или иной теории и контекста здравого смысла (там же, с.214). Мы бы добавили, что выбор теоретической перспективы интерпретации может диктоваться возможностью усиления смыслов, «программируемых» текстом. В этом случае прочтение в контексте теории и прочтение в контексте здравого смысла не только естественно перетекают друг в друга, но и взаимно поддерживаются друг другом. На наш взгляд, эта интуитивная осмысленность является важным критерием конструктивной валидации и в экспериментальных исследованиях, как о ней пишет Д.Кэмпбелл (Кэмпбелл, 1996). Х.-Г.Гадамер подчеркивает, что существует нечто вроде особого чувства — «чувства такта», которое может быть «приобретено путем неустанного обхождения с вещами» (Гадамер, 2000, с.9) и которое и дает нам зачастую понять, что то или иное наше предположение «невозможно» (либо нежелательно в свете имеющейся ситуации).

На наш взгляд, за выбором той или иной теоретической перспективы нередко стоят ценностные приоритеты интерпретатора, и это обстоятельство еще более усложняет возможность поиска рациональных оснований для выбора между конкурирующими интерпретациями. Можем ли мы предложить рациональное обоснование этики? Или, более узкий вопрос, можем ли мы спорить по поводу ценностей? В одном из англоязычных исследований формирования мужской идентичности у подростков авторы (Frosh, Emerson, 2005) приводят две ин-

терпретации речи мальчика, демонстрирующего непринятие ряда нормативных гендерных требований, принятых в той среде, к которой он принадлежит. Одна из интерпретаций примыкает к психоаналитической традиции и трактует формы протеста данного субъекта против нормативных ожиданий как рационализацию сексуальной тревоги. Другая же интерпретация в большей мере согласуется с нарративным подходом и фокусируется на путях формирования альтернативных проектов мужской идентичности, проявляющихся, в частности, и в выражении непринятия требуемых окружением образцов мужского поведения. В сущности, и та, и другая интерпретация, как показывают авторы, получает свое эмпирическое подтверждение. Возможно, и та, и другая интерпретации вызывают равное доверие, будучи в равной мере логически согласованными и вполне отвечающими «программируемым» смыслам текста. Однако внимательный взгляд на предлагаемые авторами интерпретации позволяет заметить, что ценностный базис их различен: если первая интерпретация основана на идее нормы идентичности и «дефицитарности» отклоняющихся от нее вариантов субъективности, то во второй предпринимается попытка мыслить многообразие идентичностей по возможности в позитивных терминах. Иными словами, выбор между двумя приведенными интерпретациями, по сути, представляет собой выбор между ценностной перспективой «нормализации посредством решения проблем» и ценностной перспективой довольно релятивистского (в ценностном плане) акцентирования «многообразия жизненных миров». Существуют ли на сегодняшний день условия для рационального обоснования подобного выбора? У нас нет окончательного ответа на этот вопрос. Однако, солидаризуясь с историческим подходом к пониманию науки (Позер, 1996; Хьюбнер, 1994; и др.), мы бы подчеркнули, что вопрос об истинности научных суждений имеет место в контексте целостного культурно-исторического ансамбля, так что истинность в конечном счете определяется тем, насколько научное исследование отвечает «усстремлениям» эпохи, насколько открываемые им горизонты согласуются с контекстом современных философских, социально-политических и др. представлений, что дает исследование культуре в целом и т.п. По нашему мнению, обсуждение конкурирующих интерпретаций и продвигаемых ими ценностей тоже должно иметь в виду такой целостный контекст культурно-исторического ансамбля современности. Безусловно, ввиду гетерогенности языковых игр, ценностных позиций, дискурсивных контекстов вряд ли мы сможем рассчитывать на скорое окончание дискуссии. Возможно, ввиду этической заостренности про-

блем, с которыми имеют дело социальные и гуманитарные науки, «истина» в них остается концептом еще менее определенным, чем тот «горизонт истины», о котором в свое время, применительно к естественнонаучным дисциплинам, писал К.Поппер. Как говорит Х.-Г.Гадамер, науки о духе — это *logoi*, ведение разговора, «только» ведение разговора, и все-таки несмотря на всю сомнительность и рискованность такого определения, «именно здесь, при использовании этого средства, может обрести место высочайшее, что достижимо для человека на пути к истине» (Гадамер, 2000, с.12). Заметим, что, по нашему мнению, выход в более широкие, чем собственно логика экспериментального исследования, контексты обсуждения интерпретаций, которые мы более подробно затрагивали в другой нашей работе (Бусыгина, 2007), наряду с усилением неопределенности, парадоксально привносит и частицу определенности в наши попытки выбора интерпретаций, поскольку дает хоть какие-то ориентиры.

* * *

В представленной статье мы рассмотрели некоторые вопросы, имеющие отношение к методологии исследования случаев. Мы попытались показать то значение, которое могут иметь исследования случаев для получения научного знания, а также вынесли на обсуждение компоненты исследовательского «дизайна», продумывание которых самым тесным образом связано с качеством исследовательского процесса. В заключение хотелось бы сделать одно замечание общего характера, касающееся тех эпистемологических допущений, которые предполагает использование методологии исследования случаев.

Как известно, Л.С.Выготский в свое время констатировал растущий разрыв двух психологий — «объясняющей» и «понимающей» (Выготский, 2003). Сегодня можно сказать, что противостояние двух психологий не только не ушло в прошлое, но по сей день является одной из характерных особенностей «жизненного мира» нашей дисциплины. В настоящее время высказываются различные мнения по поводу того, возможно ли преодоление разорванности внутри психологии и если да, то на каких основаниях должна быть построена «единая» психология. Разумеется, мы не будем здесь обсуждать тему поиска выхода из перманентного кризиса, в котором якобы пребывает наука психология с момента своего появления на свет. Однако позволим себе предположить, что разорванность психологии, возможно, корнями уходит в противостояние двух основных традиций в истории идей, которые получили название «аристотелевской» и «галиле-

евской» (*Вригт фон*, 1986). По мнению Г.Х. фон Вригта, различия между традициями настолько глубоки, что невозможно говорить не только об их примирении или опровержении, но и в некотором смысле об их истинности (*там же*). На наш взгляд, каждая из традиций тяготеет к определенному типу методологии с характерным для него «рисунком» движения исследовательского процесса. Ядро «галилеевской» методологии — поиск общих закономерностей, ядро «аристотелевской» методологии — «плотное» описание случаев. Нельзя сказать, что вторую методологию совсем не интересуют обобщения — скорее, обобщения здесь будут иметь свою специфику. Наиболее ясно ее выразил Г.Гирц, характеризуя качественные исследования. С его точки зрения, основная задача подобных исследований — «не зафиксировать абстрактные регулярности, но сделать возможным плотное описание, обобщать не от одного случая к другому (across cases), но в рамках отдельных случаев (within cases)... сделать обобщенные выводы из небольшого количества плотно описанных фактов» (G.Geertz, cit. by: *Dessler*, 2003, p.23).

Казалось бы, предмет настоящей статьи — case studies — есть вариант методологии второго описанного нами типа. Однако мы попытались показать, что исследования случаев можно использовать и тогда, когда исследователь ставит своей целью проверку гипотез или теоретических моделей, иными словами, в рамках методологии, направленной на поиск общих закономерностей. Весь вопрос лишь в том, как именно подбираются случаи и решению каких задач они служат. Таким образом, можно сказать, что исследования случаев вполне соотносимы с различными эпистемологическими перспективами и могут быть весьма полезны как для исследователя, заинтересованного в развитии «понимающей» психологии, так и для исследователя, направленного на построение психологии по образцу «объясняющих» естественнонаучных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгина Н.П.* Кризис классической эпистемологии и проблема оценки валидности психологического исследования // Гуманитарные исследования в психотерапии / Под общ. ред. Ф.Е. Василюка. М.: МГППУ; ПИ РАО, 2007. С. 11—28.
- Волков П.В.* Разнообразие человеческих миров. М.: АГРАФ, 2000.
- Вригт Г.Х. фон* Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2003. С. 41—190.

- Гадамер Х.-Г.* Истина в науках о духе // *Топос*. 2000. № 1. С. 7—12.
- Зимин В.А.* Функция трансгрессии (проблема нарушения границ между полами и поколениями) // *Московский психотерапевтический журнал*. 2004. № 1. С. 168—189.
- Квале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб: Социально-Психологический Центр, 1996
- Левин К.* Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // *Психологический журнал*. 1990. Т. 11. № 5. С. 135—158.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
- Позер Х.* Правила как формы мышления: Об истине и конвенции в науках // *Научные и вненаучные формы мышления: Материалы симпозиума*. М.: Киль, 1996.
- Семенова В.В.* Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. М: Добросвет, 1998.
- Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007.
- Хьюбнер К.* Критика научного разума. М.: ИФРАН; Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1994.
- Bollis-Peccì T.* A narrative discourse analysis of a midlife woman's story of her return to college // *The American Communication Journal*. 2000. Vol. 2(1). URL: <http://acjournal.org/holdings/vol2/Iss1/essays/bollispecci.htm>
- Braun Vol., Clarke Vol.* Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3. P. 77—101.
- Campbell D.* Degrees of freedom and the case study // *Comparative Political Studies*. 1975. Vol. 8. P. 178—185.
- Dessler D.* The positivist-interpretivist controversy // *Qualitative Methods*. 2003. Vol. 1(2). P. 21—24.
- Eco U. (Ed.)* Interpretation and overinterpretation. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.
- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.
- Flyvbjerg B.* Five misunderstandings about case-study research // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12(2). P. 219—245.
- Frosh S., Emerson P.D.* Interpretation and overinterpretation: disputing the meaning of texts // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5(3). P. 307—324.
- Popp-Baier U.* Narrating embodied aims. Self-transformation in conversion narratives — a psychological analysis // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2001. Vol. 2(3). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01popp-e.htm>
- Ragin C.C., Becker, H.S. (Eds.)* What is a case? Exploring the foundations of social inquiry. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

- Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // Rabinow P., Sullivan W.M. (Eds.) *Interpretive social science: A reader*. Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 73—101.
- Runyan W.M.* Why did Van Gogh cut off his ear? The problem of alternative explanations in psychobiography // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 40. P. 1070—1077.
- Sjoberg G., Williams N., Vaughn T.R., Sjoberg A.F.* The case study approach in social research: Basic methodological issues // J.R. Feagin, A. Orum (Eds.) *A case for the case study*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 27—79.
- Stake R.E.* The art of case study research. London: Sage, 2005.
- VanWynsberghe R., Khan S.* Redefining case study // *International Journal of Qualitative Methods*. 2007. Vol. 6(2). URL: www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/6_2/vanwysberghe.htm
- Yin R.K.* Case study research: Design and methods. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

Scientific prospective case study methodology

N.P. Busygina

The case-study researches are not used widely in academic psychology till now, though they are rather widespread genre in psychotherapy. In the article the question of possibilities of scientific use of cases is raised. The author focuses on the ways of generalisation of case-study results and also discusses the academic value of descriptive case researches which cannot be generalized. Besides, the author mentions the questions of research planning in case studies especially those which contribute to research improvement. The author argues that the case study methodology fits various epistemological systems and is rather useful either for adherents of «understanding» psychology, and for those who are interested in psychology as a classical science.

Key words: case-study, different cases generalization, case-study research planning, analytic items of case-studies research, strategy of cases selection, interpretation, interpretation validity, interpretative relativity.

- Busygina N.P.* Krizis klasičeskoj jepistemologii i problema ocenki validnosti psihološkieskogo issledovanija // *Gumanitarnye issledovanija v psihoterapii / Pod obw. red. F.E. Vasiljuka*. M.: MGPPU; PI RAO, 2007. S. 11—28.
- Volkov P.V.* Raznoobrazie čelovečeskih mirov. M.: AGRAF, 2000.
- Vriht G.H. fon* Logiko-filosofskie issledovanija. M.: Progress, 1986.
- Vygotskij L.S.* Istoričeskij smysl psihološkieskogo krizisa // *Vygotskij L.S. Psihologija razvitija čeloveka*. M.: Smysl; Jeksmo, 2003. S. 41—190.

- Gadamer H.-G.* Istina v naukah o duhe // *Topos*. 2000. №1. S. 7—12.
- Zimin V.A.* Funkcija transgressii (problema narushenija granic mezhdu polami i pokolenijami) // *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*. 2004. № 1. S. 168—189.
- Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'ju. M.: Smysl, 2003.
- Kjempbell D.* Modeli jeksperimentov v social'noj psihologii i prikladnyh issledovaniyah. SPb: Social'no-Psihologicheskij Centr, 1996.
- Levin K.* Konflikt mezhdu aristotelevskim i galileevskim sposobami mysh-lenija v sovremennoj psihologii // *Psihologicheskij zhurnal*. 1990. T. 11. № 5. S. 135—158.
- Lorenc K.* Oborotnaja storona zerkala. M.: Respublika, 1998.
- Pozer H.* Pravila kak formy myshlenija: Ob istine i konvencii v naukah // *Nauchnye i vnauchnye formy myshlenija: Materialy simpoziuma*. M.: Kil', 1996.
- Semenova Vol.V.* Kachestvennye metody: Vvedenie v gumanisticheskiju sociologiju. M: Dobrosvet, 1998.
- Strauss A., Korbin Dzh.* Osnovy kachestvennogo issledovanija: Obosnovannaja teorija, procedury i tehniki. M.: KomKniga, 2007.
- Xjubner K.* Kritika nauchnogo razuma. M.: IFRAN; Centr po izucheniju nemeckoj filosofii i sociologii, 1994.
- Bollis-Pecchi T.* A narrative discourse analysis of a midlife woman's story of her return to college // *The American Communication Journal*. 2000. Vol. 2(1). URL: <http://acjournal.org/holdings/vol2/Iss1/essays/bollispecci.htm>
- Braun Vol., Clarke Vol.* Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3. P. 77—101.
- Campbell D.* Degrees of freedom and the case study // *Comparative Political Studies*. 1975. Vol. 8. P. 178—185.
- Dessler D.* The positivist-interpretivist controversy // *Qualitative Methods*. 2003. Vol. 1(2). P. 21—24.
- Eco U.* (Ed.) Interpretation and overinterpretation. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.
- Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.
- Flyvbjerg B.* Five misunderstandings about case-study research // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12(2). P. 219—245.
- Frosh S., Emerson P.D. Interpretation and overinterpretation: disputing the meaning of texts // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5(3). P. 307—324.
- Popp-Baier U.* Narrating embodied aims. Self-transformation in conversion narratives — a psychological analysis // *Forum Qualitative Sozialforschung. Forum: Qualitative Social Research [On-line Journal]*. 2001. Vol. 2(3). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01popp-e.htm>
- Ragin C.C., Becker, H.S.* (Eds.) What is a case? Exploring the foundations of social inquiry. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.
- Ricoeur P.* The model of the text: Meaningful action considered as a text // *Rabinow P., Sullivan W.M.* (Eds.) Interpretive social science: A reader. Berkeley, CA: University of California Press, 1979. P. 73—101.

- Runyan W.M.* Why did Van Gogh cut off his ear? The problem of alternative explanations in psychobiography // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1981. Vol. 40. P. 1070—1077.
- Sjoberg G., Williams N., Vaughn T.R., Sjoberg A.F.* The case study approach in social research: Basic methodological issues // J.R. Feagin, A. Orum (Eds.) *A case for the case study*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 27—79.
- Stake R.E.* *The art of case study research*. London: Sage, 2005.
- VanWynsberghe R., Khan S.* Redefining case study // *International Journal of Qualitative Methods*. 2007. Vol. 6(2). URL: www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/6_2/vanwysberghe.htm
- Yin R.K.* *Case study research: Design and methods*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.